

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

РАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИФЕ «ЛОЯЛЬНОСТИ»

Н.И. Шестов

Кафедра политических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, корп. 12, Саратов, Россия, 410012

В статье анализируются связи между уровнем политической субъектности участников российского политического процесса и лояльностью их отношения к действующей верховной государственной власти. Лояльность рассматривается в историческом и современном ракурсах в качестве политико-мифологической детерминанты политических отношений.

Исследователи, анализирующие направленность и динамику демократических преобразований в современной России, склонны подчеркивать специфику того и другого. Нередко при этом они объясняют специфические свойства этой динамики корректирующим (чаще всего — тормозящим) влиянием социокультурных императивов, традиционных для массового и элитарного сознаний. В ряду этих императивов, после «чуждой демократической культуре национальной ментальности русского народа», больше всего критикуются политические мифы.

Согласно методологической парадигме, уже почти двести лет господствующей в отечественной и зарубежной науке и направляющей научный поиск на обнаружение в каждом мифе иррационально-мистических сущностей, влияние политических мифов относится аналитиками к разряду непреодолимых препятствий на пути нормального течения демократического процесса. Природа этой непреодолимости, раз уж в характеристике мифа все сведено к мистике и иррациональности, теряет актуальность предмета политического либо исторического анализа. Непреодолимость мифа как препятствия на пути упрочения демократической культуры российских общества и элит обретает черты некоторой объективной данности, с которой приходится просто мириться и в выяснение природы которой политологу незачем углубляться.

Представляется, что в мифе есть своя, и довольно значительная рациональность. Именно она, сложно взаимодействуя с мистическими и иррациональными элементами в структуре мифологического образа или суждения, делает миф

проблемой для политики и предметом для политического анализа. Потому что не иррациональность сама по себе, а иррациональность, взаимодействующая с рациональным содержанием в структуре мифа, делает его одновременно и сверхустойчивым элементом политико-культурного процесса, невосприимчивым к различным усилиям по демифологизации политики и культуры с позиций рациональной логики и, одновременно, сверхвариативным в своих конкретных проявлениях в политике и культуре. Рациональный компонент часто делает миф трудноотличимым от идеологического и даже научного суждения. Парадоксально, но именно этот факт, пессимистически интерпретируемый аналитиками как проявление политико-культурной «тотальности» политического мифа, обычно служит предпосылкой для мистификации исследователями и публицистами его сущности.

Из всех политических мифов, обнаруживающих себя на первом плане современной российской политики, миф «лояльности», может быть, в наибольшей степени обладает этим качеством рациональности. По ходу административно-политических реформ последнего пятилетия обнаружилось, что лидерский статус личности, характер формирования и взаимодействия элит регионального и федерального уровня, ресурсный потенциал большинства политических институтов, политическая субъектность как таковая, — все это полностью зависит от соответствия некоему современному пониманию «политической лояльности». Можно даже говорить об определенном современном стандарте «лояльности», который в демократический период отработывался различными «партиями власти» и законченное воплощение нашел в позиционировании себя партией «Единая Россия» в качестве «партии Президента» и демонстративном отказе этой партии от следования какой-либо известной идеологической парадигме.

«Политическая лояльность», таким образом, оказалась в одном ряду с другими партийными идеологиями и даже получила доминирование в идеологическом спектре. Демонстрация лояльности курсу реформ, проводимых федеральной властью, накануне нового электорального цикла стала более значимой для консолидации и размежевания общественно-политических сил, региональных и федеральной элит, чем партийные стратегии. Это дает основание предполагать, что императив «лояльности» будет каким-то образом влиять на ближайшую, а, возможно, и долгосрочную перспективу трансформации политической системы в современной России, на самооценку политических субъектов, будет обслуживать общественно-элитарное взаимодействие, сказываться на условиях и течении политических конфликтов. То есть он будет выполнять те функции, которые обычно выполняет идеология.

Говорить, однако, о том, что наконец-то найдена консолидирующая российский социум и государство полноценная «национальная идея» и в истории идеологических конфликтов последнего двадцатилетия поставлена точка, вряд ли возможно потому, что императив лояльности (если попытаться понять логику его исторического генезиса) традиционно выполнял функцию элитарного политического мифа, решавшего проблему самочувствия и внутренней организации политических элит. Он мало затрагивал общественное сознание, подданнический императив которого строился на иных мифологических основаниях:

на идейных основаниях, допускавших, как можно видеть из истории отношений государства и общества в имперский и советский периоды, и нелояльное в политическом отношении общественное поведение: «русский бунт» и «русскую революцию».

Представления о лояльности можно квалифицировать как корпоративный политический миф потому, что обычно нигде и никогда она не выступает формальным требованием для вхождения индивида в элитарную среду, но столь же обычно является важнейшим неформальным условием такого вхождения. Причем средства и формы выражения лояльности обладают высокой изменчивостью и разнообразием, но это, что обычно свойственно именно для мифа, не меняет его главной и очень рациональной сути: быть индикатором определения «наших» и «не наших» в элитарной среде, тех, с кем взаимодействие возможно, и с кем нежелательно.

То же самое касается и адресата проявления лояльности. Он исторически и ситуативно может меняться (институт, личность, система корпоративных традиций), но неизменным остается требование к члену элитной корпорации быть «лояльным» этому адресату и находить активные формы демонстрации своей лояльности. Именно поэтому лояльность нельзя свести к значению элемента личностной культуры, поэтому больше основания видеть в ней социально-политический миф. Без внешней публичной демонстрации, без расчета на публичное внимание и признание, только как неартикулируемое «движение души», лояльность лишена смысла.

Рациональность этого мифа имеет историческое измерение и связана со специфической динамикой его функционирования. В доимперский (XVI—XVII столетия) и, отчасти, имперский периоды отечественной истории политическая лояльность различных групп административно-политической элиты, ее внутренняя консолидация и единение с верховной властью обеспечивалось принадлежностью ее представителей к православному вероисповеданию, к дворянской корпорации и, что особенно важно, фактом нахождения дворянина на государственной службе. Мифологема «государев слуга» обозначала всю совокупность статусных характеристик человека, принадлежащего к элите. Вокруг этой мифологической «оси» выстраивался широкий спектр стереотипных суждений и формул, являющихся интерпретацией ключевого мифологического императива. В быту служилых людей имела хождение поговорка: «Ленив служить на службе не живет». С другой стороны, постоянными были уклонения служилых людей от реального исполнения обязанностей («нетства»), которые осуждались верховной властью, но не приравнивались к антигосударственному поведению. И имела хождение поговорка с диаметрально противоположным смыслом: «Дай Бог Великому Государю послужить, а сабельки из ножен не вынимать». То есть служилому человеку для демонстрации своей лояльности власти и предъявления претензии на максимальное ее вознаграждение важен был сам факт нахождения в службе.

Реальное или мнимое проявление служебного рвения настолько прочно ассоциировалось с демонстрацией лояльности верховной власти, требующей пуб-

личного признания и максимального вознаграждения, что постоянное (по современным понятиям, просто неприлично назойливое и недостойное элитного статуса) выпрашивание служилыми людьми «милостей» и «пожалований» в те времена выглядело вполне рациональным и всем понятным, даже обязательным элементом служебных взаимоотношений [1. С.167—168.]. Просящий «милостей» у государственной власти уже тем самым демонстрировал и свою политическую лояльность ей.

Все это соотношение взглядов на службу как неизбежное «тягло» и, с другой стороны, как на поле для проявления элитарной активности, выстраивалось ситуативно и вариативно настолько, насколько разнообразны были реальные условия существования административно-политических элит на просторах Московского государства от литовской границы до Амура. Но оно было подчинено единому мифологическому основанию, логику которого можно выразить формулой: служба делает человека безмерно лояльным власти, а безмерная лояльность подразумевает и неограниченное ее вознаграждение материальными ресурсами. Эта мифология дворянской службы получила наиболее полное выражение в публицистических сочинениях Ивана Пересветова.

Но верховная государственная власть объективно не могла солидаризоваться с такой мифологией. Московское государство обладало лишь одним значительным ресурсом, которым можно было обеспечить службу административно-политической элиты — землей. А раздача земель актуализировала проблему поддержания целостности и стабильности государственного суверенитета во всем многообразии его проявлений. Лояльность нельзя было признать безмерной. Ее нужно было дифференцировать и конкретизировать по характеру служебных связей, компетенций и ответственности. Это давало верховной власти возможность оправдать (что было особенно важно для централизующегося государства с богатым опытом традиционных иерархических связей в политике и управлении) создание новых служебных иерархий, отвечающих ее интересам и практическим потребностям административного контроля. И, что было тоже немаловажно для той эпохи постоянных феодальных усобиц и войн, определенным образом подстраховываться от политических проблем при делегировании долей государственного суверенитета служилым землевладельцам: больше награждать тех, чья лояльность вызывает меньше сомнений, кто не станет завтра политическим конкурентом.

Очевидным и абсолютно легитимным критерием дифференциации была служебная активность индивида. Активность (выраженная в соучастии в государственных делах) позволяла хоть как-то исчислить меру лояльности представителя элиты. А эта мера, в свою очередь, позволяла верховной власти сориентироваться, пусть достаточно условно, в распределении вознаграждений за службу. Во всяком случае, появлялось некое концептуальное основание для перехода от мифологической детерминации служебных отношений к порядку, поддающемуся формализации и государственному управлению посредством законодательных решений. В России исторически наблюдалось движение государственной политики по организации деятельности административно-политической элиты именно

в направлении формализации и рационализации представлений об оптимальной активности человека на государственной службе.

Первоначально такая формализация и рационализация выражалась в постепенном установлении указным порядком иерархии дворянских и приказных чинов, в совершенствовании системы различных «государевых милостей» и пожалований за военную, приказную и городовую службу. Затем нужды войны и имперского управления побудили Петра I интенсифицировать этот процесс. Была предпринята попытка довести формализацию и рационализацию критериев лояльности до полного разрыва с корпоративной мифологией служилой элиты прежнего времени (формально в возможностях продвижения по службе уравнивались представители всех свободных сословий). Как образно выразился Ю.М. Лотман по поводу усилий самого Петра I насадить культ службы в своем государстве: «Личный труд Петра не был забавой, странной причудой — это была программа, утверждение равенства всех в службе. Государственная служба приобретала для Петра почти религиозное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме государства. Работа была его молитвой» [2. С. 20].

«Догматика» этого «культа службы» была зафиксирована разработкой «Табели о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины ...». «Табель» фактически представляла собой предельно формальный и рациональный механизм культивирования политической лояльности в рядах российской элиты посредством награждений ее представителей чинами и словесными привилегиями.

Это, однако, не означало, что формализм и рациональность нового порядка, подчиненного логике государственных интересов (по активной службе и блага), отменили традицию корпоративно-мифологического осмысления критериев «лояльности», что аннулировалась та рациональность, которая была исторически заложена в этой мифологической традиции и подчинена логике служилого состояния административно-политической элиты (по любой службе максимум благ). Поскольку награждение чином или орденом прямо зависело от отношений служилого человека с начальством, от его связей в элитарной среде, постольку параллельно с официальным порядком постоянно воспроизводились и условия для внутрикорпоративного общения на почве традиционных мифологических представлений о службе, представлений, подчиненных иной рациональности, а именно логике культурного, экономического и демографического воспроизводства административно-политической элиты, нуждающейся для этого в максимальном присвоении общественного богатства.

На этой почве развилась, например, очень рациональная, с точки зрения самой элиты, практика записи дворянских детей в службу с самого рождения. Получалось, что человек «служит», получает чины по выслуге лет в установленном законами порядке. Но служит не так, как это продиктовано реальными потребностями государственного механизма в его трудовом вкладе, а так, как это выгодно его родне, друзьям этой родни, высоким покровителям этих друзей, то есть той среде, в которой он рожден. А эта среда живет традиционными мифологически-

ми представлениями о «государевой службе» как механизме, позволяющем разными способами неэквивалентно обменивать политическую лояльность на государственные пожалования, сословные льготы, ресурсы. Чины и ордена представляют среди этих ресурсов особый интерес для служилого человека лишь постольку, поскольку облегчают доступ ко всем прочим ресурсам и позволяют сделать процедуру обмена публичной, абсолютно легитимной.

Разночинская среда, заметим, жила, подчиняясь той же самой конкуренции формальной и мифологически детерминированной элитарной стратегии. Только, кроме общепринятых протекций и связей, находила для выражения своей приверженности мифу о службе как безмерном проявлении политической лояльности, требующем столь же безмерного вознаграждения, и способы менее «благородные», например взятку. Количественные характеристики взяточничества в Российской империи мало что дают для понимания политико-культурной значимости этой практики. Здесь, может быть, более показательным другое. Рефреном в суждениях персонажей из русских комедий второй половины XVIII — первой половины XIX в. звучит мысль — взятка, наряду с протекцией, есть основа порядка в элитарной среде. Собрат по службе, не берущий взятку и не ищущий протекции, потенциально опасен для общества и государственного порядка. Взятка, таким образом, является естественным знаком, подаваемым индивидом другим членам корпорации и верховной власти, что он политически и корпоративно лоялен. Логика этого знака очевидна: взяточник не поднимет руку на государство и собратьев по корпорации, позволяющих ему кормиться «от дел». Закономерно возникает ситуация, когда взятки «берут все», поскольку это важный универсальный механизм воспроизводства внутриэлитарных связей, элитарных этических норм. Это еще и эффективный способ обозначения дистанции, отделяющей общегосударственный интерес к организации службы административно-политических элит от их собственного интереса использования службы как механизма собственного воспроизводства.

Отмена в 60-е гг. XVIII в. обязательной дворянской службы логично вписывалась в историческую конкуренцию этих альтернативных элитарных стратегий. Фактически признавалось, что разнообразие представлений в элитарной среде о соотношении службы и политической лояльности ничем не хуже единообразия того порядка, который был установлен законодательно. Каков бы ни был реальный трудовой вклад представителя элиты в государственную службу, этот представитель политически лоялен по самому факту нахождения в службе. «Служебный активизм» как критерий, позволявший дифференцированно подходить к лояльности административно-политических элит и ее вознаграждению, оказался поставлен под сомнение. Характерна в этой связи та морализаторская риторика, какой в «Манифесте о даровании вольности и свободы российскому дворянству» 1762 г. обставлялись мотивы монаршей милости и ожидаемая реакция на нее со стороны российского дворянства. Общий смысл сентенций сводился к тому, что, конечно, дворянин в праве не служить. Но ведь, отмечали ее составители, большинство дворян не может не прочувствовать всей «монаршей

любви» к себе. И только самые неумные и неблагодарные из них могут понять дарованную им свободу буквально, то есть как дозволение вообще не интересоваться государственными делами и не заботиться о подготовке своих детей к государственной службе [3. С. 24—25]. Последним прямо отказывалось в монаршей благосклонности. Они не вправе чувствовать себя на равных со «своими» во внутрикорпоративном быту. «Создается впечатление — пишет Е.Н. Марасинова — что все перечисленные инструкции должны были в конечном итоге повысить престиж образования, усилить авторитет чинов и обострить конкурентную борьбу за них в среде дворянства» [3. С. 24].

Служебный активизм переставал быть для дворянства обязательным элементом повседневных корпоративных практик. Но и никакого альтернативного критерия лояльности, тоже поддающегося формализации и регламентации, властью элитам предложено не было. Высочайше дарованное российскому дворянству в 1754 г. наименование «благородное» [4. С. 9] не могло составить альтернативного критерия. Оно более подчеркивало культурную обособленность дворянства от разночинской среды в системе государственной службы и подразумевало, что если в данный момент дворянин и не служит, то по рождению он все же предназначен содействовать «благу Отечества». Тем самым дворянская лояльность становилась по определению величиной постоянной, не требующей обязательной публичной демонстрации, допускающей уход человека в частную жизнь. Это подготовило в XIX столетии переосмысление самим дворянством своих отношений с государственной властью в духе мифологемы «опора трона». Неслужащий или формально приписанный к какой либо незначительной службе дворянин не переставал быть «своим» в среде своих служивших собратьев, не переставал быть «опорой трона». Хотя мог при этом лично переживать несоответствие своего мифологического статуса реальности, чему пример знаменитая пушкинская «Моя родословная».

Служебный активизм сохранил значение ключевого критерия для определения меры лояльности и меры вознаграждений для той части дворянства, которая осталась в службе, особенно военной и дипломатической. Но объективно представление, что если человек получил чин или орден, то, значит, он активен в службе, а раз он активен, то, следовательно, и политически лоялен, более отражало логику существования именно разночинской страты в административно-политической элите. Тем самым складывалась предпосылка для ставки имперской верховной власти в XIX в. во всех ее реформаторских начинаниях именно на поддержку чиновной среды. И чем в XIX в. сложнее становилось экономическое и социально-политическое состояние Империи, тем более концентрировались в руках бюрократии — носителя эталонной «этики лояльности» — административные, экономические, культурные и политические функции, требовавшие максимальной лояльности курсу самодержавной власти.

А это рождало конкуренцию в рядах административно-политической элиты между дворянством и разночинцами за статус корпорации, наиболее лояльной политике верховной власти и наиболее вознаграждаемой различными ресурса-

ми. Конкуренция выливалась в публичную критику дворянской публицистикой взяточничества и некомпетентности разночинцев на государственной службе и в адекватную ей критику разночинской публицистикой лености и порочности дворянства. В обоих случаях основой для критики действительного положения дел выступало мифологическое представление об идеальной организации «государевой службы», об эталонно лояльном поведении дворянина или чиновника. В ходе полемики это представление совершенствовалось и наполнялось рациональным смыслом.

В условиях конкуренции двух групп административно-политической элиты на почве мифа службы понимание меры активизма, меры лояльности и меры вознаграждения этой лояльности подверглось радикализации и рационализации. Рационализации в том смысле, что существенно усовершенствовались и стали многообразнее те практики, которые опирались на мифологию службы и лояльности. В некоторых случаях служебный активизм мог доходить до «чинобесия» и «административного восторга» (по определению М.Е. Салтыкова-Щедрина).

С другой стороны, политическая лояльность могла, как это было у «декабристов» и либералов, выражаться в специфическом, выходящем за рамки корпоративной дворянской или разночинской этики, «речевом поведении» [2. С. 334—335], имеющем целью, как минимум, «спасение Отечества». Лояльность воплощалась и в земском культурничестве, понимаемом его участниками как содействие усилиям государственной власти по проведению Великих реформ, осуществляемое порой против воли самой этой власти.

Радикализация представлений о достойном вознаграждении за служебную активность специфически обнаружила себя, например, в распространении в дворянской и разночинской среде убеждения, что истинным вознаграждением службы может быть только общественное признание, и потому, даже находясь на государственной службе, служить надо интересам не столько государства, сколько общества.

Каждое из этих изменений в мифологии было по-своему рационально в качестве мотива политического участия элит. В какой-то мере и жизнь революционной контр-элиты, жизнь как активное служение интересам народа, без расчета на публичную известность и какое бы то ни было общественное признание принесенных жертв, можно рассматривать как специфическое направление радикализации и рационализации смысла повседневных практик административно-политической элиты, апеллирующих к мифологии служебных отношений.

Революционные трансформации рубежа веков и строительство социалистического общества и государства придали лояльности и активизму как критерию измерения последней новое (партийное и классовое) выражение. Лояльность элиты стала определяться ее классовым составом и постоянно демонстрируемой готовностью активно противодействовать всему чуждому социалистической идеологии и политике КПСС. Но суть мифологически осмысливаемой связи между фактом нахождения человека в системе государственной службы, его активной служебной позицией, политической лояльностью и вознаграждением за службу

осталась той же. Таким же оставался и интерес высших эшелонов государственного управления к максимальной формализации этой связи. В результате к концу советской эпохи активизм как критерий, позволяющий дифференцировать проявления политической лояльности в среде элиты и в обществе, а также дифференцировать ресурсообеспечение этой лояльности, предельно формализовался и рационализировался, точно так же, как это происходило в первой половине XVIII столетия. Иным, правда, было обнаружение этой тенденции к формализации и рационализации. Вместо чинов и сословных атрибутов значимым для представителя элиты становилось вхождение в ряды ВЛКСМ и правящей партии или попадание в номенклатуру руководящих должностей.

Эта формализация точно так же сопровождалась развитием в элитарной среде альтернативных порядков взаимодействия между ее представителями (включая взятку и протекцию, наделение долями государственного суверенитета), воспроизводящих традиционную логику мифа «государевой службы» как возможности обменять лояльность на какой-либо значимый ресурс. Лояльность элиты советской государственной системе сохранялась до тех пор, пока была уверенность в неисчерпаемости того ресурса, которым эта лояльность может быть оплачена. По мере того как в социалистическом хозяйственном механизме обнаруживались сбои и вырисовывались естественные ограничения того ресурса, который может быть отчужден элитой в свою пользу, нарастала и незаинтересованность административно-политической элиты как в сохранении советской политической системы, так и в конструктивной ее трансформации. Безразличие советской элиты к реальному состоянию политической системы, которую она представляла, и повышенное ее внимание к судьбе сокращающегося общественного богатства привели к тому, что демократические трансформации в России начались без четко разработанной политической стратегии и в них довольно быстро выявилось преобладание экономических интересов элит над политическими, государственными и общественными.

Постсоветская эпоха многопартийности и идеологического плюрализма придала элитарному активизму большую вариативность формы при неизменной сути. Это привело к формированию «активистских» по структуре, а не массовых политических партий, позиционирующих себя «самыми активными борцами» в ряду активных борцов за решение одних и тех же социальных, экономических и политических проблем. В определенной степени вследствие этого демократические трансформации в России, итогом которых должно быть полноценное гражданское общество, никак не обретают осязаемого итога. С другой стороны, мифологическая убежденность постсоветской элиты, унаследованная от советского времени, в необходимости и достаточности (безотносительно к идеологиям) политического активизма для выражения своей политической лояльности на протяжении последних двадцати лет устойчиво генерировало ее интерес к возможности создания «партии власти». Партии, которая представляла бы собой в чистом виде инструмент выявления и демонстрации лояльности в форме активизма (поддержка всех решений, распространяющихся по вертика-

ли власти) безотносительно к содержательным аспектам идеологий, к конкретным моментам политических стратегий и тактик.

Таким образом, эволюция привела миф политической лояльности к довольно перспективному для российской административно-политической элиты состоянию, обеспечивающему ее максимальную консолидацию на функциональных, а не идеологических основаниях. В определенной мере представление, что лояльность выражается не в том, в какие идеалы ты веришь, а насколько активно ты включаешься во все инициативы, идущие по властной вертикали, способно работать и на социальную консолидацию. Но в этой ситуации остается открытым вопрос, поиском ответа на который, теоретически, должна быть занята элита общества: куда идут российские демократические трансформации последних двух десятилетий, когда и чем они завершатся?

Это достаточно схематичный набросок той исторической последовательности, в которой раз за разом лояльность, как мифологическая мотивация элитарных практик, обнаруживала свою рациональность. Но эта схема позволяет понять некоторые принципиальные моменты.

Например, то, что лояльное отношение элит к интересам государства обусловлено множеством ситуативных интересов, проблемами внутриэлитарной конкуренции и никоим образом не напоминает преклонение перед «идеей государства». Именно этот прагматизм отношения элиты к государству делает необходимым мифологическую рефлексию по поводу мотивов, форм служебных отношений элиты с верховной властью, олицетворяющей государственный суверенитет. В этих исторических обнаружениях мифа лояльности мало мистики и много от интереса воспроизводства элитой себя как демографической, экономической, культурной и политической реальности.

Эта схема позволяет уловить системообразующий смысл мифа лояльности во всем комплексе мифологических мотиваций служебных отношений элиты с верховной властью в государстве и во внутриэлитарных взаимодействиях. Миф лояльности исторически предстает ключевым звеном в механизме воспроизводства административно-политической элиты, связывающим в определенных соотношениях (пропорциях) ее трудовые усилия по обслуживанию машины государства с долей общественного богатства, получаемой в качестве вознаграждения. Эта схема дает представление и о рациональной, не нуждающейся в ссылках на особенности российской ментальности, логике преемственности мотиваций и поведенческих моделей дореволюционных, советских и постсоветских элит.

Конечно, такой исторический экскурс больше дает представление о том, как мифологический императив «лояльности» связывал между собой разные мотивации властно-служебных отношений, чем раскрывает причину, по которой именно «лояльность», а не какое-либо иное качество элитарности (образованность или деловая компетентность, например) выполняет функцию такой связки. Почему «лояльность» обладает для элит (причем, в примерно одинаковой степени для административных и политических) притягательностью настолько высокой, что в жертву ей время от времени приносятся частные политические и экономиче-

ские интересы групп и представителей элит, специфика их идеологических позиций, даже, порой, легитимность их господствующего положения в глазах общества?

Следует заметить, что в отечественной науке сложилась уже своего рода привычная формула «уклонения» исследователей от теоретического анализа этой проблемы. Ее смысл, в общем плане, таков: в России исконно существовало сильное государство и слабое общество, общество не могло воспрепятствовать желанию государства стать главным собственником общественных богатств и потому сложилась уникальная российская традиция консолидации властных и собственных притязаний верховной государственной власти. В России возникло такое уникальное образование, как «власть-собственность», не требующее никаких, в том числе мифологических, мотиваций и легитимаций, а требующее, в равной степени от общества и элит, только «холопского» подчинения факту своего существования. «Лояльность», как достаточно универсальное историческое качество административно-политических отношений, закрепленное в социальном мифе, воплощенное в нормотворческих, культурных, экономических и политических практиках элит и общества и в силу этого способное быть предметом рационального политологического анализа, в этой формуле подменяется уникально-российским «холопством» как ментальной, внеисторической данностью, в принципе не поддающейся рациональному объяснению. Разве что ключевым аргументом в таком объяснении будут ссылки на особые свойства «народного духа».

У этой «формулы уклонения» есть свои корни, уходящие в отечественную либерально-философскую и историографическую традицию XIX — начала XX в. У нее есть очевидное преимущество, почему, собственно, исследователи и проявляют к этой формуле устойчивый интерес. Как и всякая методология, абсолютизирующая значение одного, причем неуловимого рациональными средствами, фактора развития системы, она дает возможность строить широкие обобщения относительно прошлого, настоящего и будущего, например, России [6. С. 3—66]. У нее есть и очевидный недостаток: в ранг уникального явления возводится то, что является универсальным принципом существования всякой социально-политической системы.

С последним утверждением можно поспорить и в качестве аргумента привести авторитетное мнение Р. Пайпса, согласно которому, в отличие от «Запада», где в быту элит «власть» и «собственность» всегда взаимодействовали, но принципиально юридически были разделены, в России всегда господствовала «власть-собственность» как нечто органически целое [7. С. 371]. Данное суждение недостаточно корректно, поскольку построено на сравнении юридической нормы с фактическим состоянием повседневных элитарных и общественных практик. По наблюдениям не менее авторитетного ученого Л. фон Мизеса, повседневные элитарные практики Запада демонстрируют отклонение от действительно имеющей место юридической и организационной нормы. И в отклонении этом заметно приближение мотиваций и поведенческих стилей западных элит к «уникальному» российскому варианту.

Л. фон Мизес, напомним, нормой считал автономию собственности как продукта коммерческой деятельности и власти как продукта бюрократической и политической деятельности. Поэтому он критически относился к тенденции огосударствления различных сфер общественной жизни, особенно экономики, проявившейся в минувшем веке во многих европейских демократических государствах. Он считал ее противоречащей сущности либеральной демократии и вообще всякому нормальному порядку общественной организации. В структуре критики Л. фон Мизесом отклонений от нормы в поведении современных ему административно-политических элит европейских стран обнаруживается ряд указаний на те общие мотивы, которые побуждают элиты всегда быть предельно лояльными, а в некоторых исторических ситуациях доходить в своей лояльности и до «холопства» перед верховной государственной властью. В общем смысле именно этот анализ отклонений реальности от нормы дает основания для того, чтобы понять рациональный смысл лояльных взаимоотношений в элите и причину, по которой эти взаимоотношения облекаются в форму социально значимого мифа.

Л. фон Мизес утверждал, в частности, что «в сфере государственного управления *не существует связи между доходами и расходами*. Государственные службы только расходуют деньги...» [5. С. 71] (выделено мною — Н.Ш.) что, соответственно, «бюрократическое управление — это метод, применяемый при ведении административных дел, *результаты которых не имеют денежной ценности на рынке*» [5. С. 72], что «бюрократическое учреждение — это предприятие, *не ориентированное на извлечение прибыли*» [5. С. 121].

При этом столь же добросовестно Л. фон Мизес отмечал и другие факты, очевидно не согласующиеся с теми нормами функционирования государственных институтов, которые он сам обозначил. Первый факт состоит в том, что: «во всех странах большинство людей поступало на службу в государственные учреждения, потому что *оклады и пенсии там были выше*, чем в других сферах занятости. Они *ничем не жертвовали*, служа государству. Государственная служба была *самой выгодной* работой, которую они могли найти» [5. С. 121].

Другой факт состоит в том, что «бюрократ не только наемный работник государства. При демократической конституции он в то же время является и избирателем и в этом качестве — частью суверена, то есть своего нанимателя. Он находится в своеобразном положении: он одновременно и наниматель, и наемный работник. И его *денежные интересы* как наемного работника заметно превышают его интересы как нанимателя, поскольку он *получает из общественных фондов гораздо больше, чем вносит в них*. ... Его основная забота — *раздуть фонд заработной платы*» [5. С. 123].

Получается, что, конечно, «бюрократическое предприятие» принципиально не ориентировано на получение прибыли, что единственный естественный мотив активности бюрократии — это общественный порядок, но каким-то странным образом установление этого порядка приносит бюрократии прибыль, способную возрастать, несмотря на все ограничения, накладываемые на политику и админи-

стрирование демократической системой. Почему так противоречиво складывается ситуация, со всей очевидностью не простая для самой властвующей элиты?

У Л. фон Мизеса нет анализа этого противоречия, но есть очень важное для его понимания наблюдение: «Бюрократ отличается от небюрократа именно тем, что он работает в области, где результат человеческих усилий невозможно оценить в денежном выражении ... каким бы важным и ценным ни был этот «продукт». Его оценка зависит от произвольного решения государства».

Чем, однако, детерминируется это произвольное решение государства, иначе говоря, самой административно-политической элиты, в действиях которой материализуется государственная властная функция и реализуется любая властная инициатива. И так ли оно, это решение, произвольно?

Критерии «произвола» здесь выстраиваются в соответствии с мифологией лояльности. И выстраиваются вполне рационально. Государство оплачивает не трудовые усилия представителя элиты, вовлеченного в политическое либо административное управление общественными делами, не произведенный им продукт (услугу). Технически несложно задать некие условные формальные критерии продуктивности элитарного труда. Существует разнообразный опыт решения этой проблемы соотнесения трудового участия администраторов и политиков с трудовым участием рядовых граждан в досоветское, советское и постсоветское время, существует опыт разработки различных тарифных «сеток» и номенклатур должностей. Но это стратегически нецелесообразно с той точки зрения, что государство потенциально нуждается в безмерной лояльности элит, в безусловной их отзывчивости на любые властные инициативы, а безмерная лояльность подразумевает принципиальное отсутствие предела на вознаграждение этой лояльности.

Образование или деловая компетентность элит, которые, как уже было упомянуто, тоже потенциально могли бы выполнить роль критерия, при помощи которого можно было бы выстроить иерархию служебных отношений в системе государственного управления и в политике, очевидно проигрывают критерию лояльности. Проигрывают именно в том, что они задают условия для взаимодействий в среде элиты, не определяемые и не контролируемые полностью самой элитой.

Образование и деловая компетенция — это то, что привносится в сферу элитарных отношений из сферы общественных отношений и практик. Образование и деловая компетенция принадлежат человеку независимо от того, каков в данный момент его статус в бюрократической иерархии, каково отношение к нему других членов корпорации, особенно вышестоящих. И получается, что специалист со знаниями и деловой компетенцией обладает возможностью предъявлять обществу и государству запрос на вознаграждение своих услуг долей общественного богатства, минуя иерархические традиции, сложившиеся в элитарной среде. Это объективно нарушает стабильность и преемственность процесса воспроизводства элит, ключевую роль в котором играют именно традиции и мифы. Запрос на вознаграждение службы государству с позиции обладания знаниями и компе-

тенцией — это всегда запрос, в структуре которого уже изначально заложено представление, что вознаграждение служебных услуг административно-политических элит государству и обществу не может быть безмерным, оно имеет предел естественный, не зависящий от того, как в данный момент складываются отношения между административно-политическими элитами и верховной властью.

Поэтому, вероятно, невелик практический результат от усилий современных отечественных теоретиков и практиков административного и политического менеджмента убедить ныне действующие российские административно-политические элиты, что место человека в элитарной иерархии должно зависеть не от связей, протекций и неформальных бизнес-отношений (всего того, в чем проявляется взаимная лояльность), а от образования и деловых способностей каждого чиновника или политика. Большинство исследований по отечественной элитологии имеют итогом прямые рекомендации сделать образование и деловые способности главным и, желательно, единственным критерием отбора человека в члены элитарной корпорации. И это оправдано, если учесть, что большинство специалистов в данном случае выступают с позиции защиты интересов общества, для которого постоянным источником недовольства элитами выступает именно факт неэквивалентного обмена услуг, предоставляемых гражданину. Но на практике формирование любой элитарной команды (что особенно заметно в жизни российских регионов) все равно происходит в соответствии с критерием взаимной лояльности людей, наделенных административными и политическими полномочиями, а также в соответствии с корпоративными представлениями о формах и порядке демонстрации их лояльности общегосударственной политике.

Политик — тот, кто участвует в обсуждении и принятии решений. Администратор — тот, кто реализует обсужденные и принятые решения. Рациональная по сути, но мифологически осмысленная лояльность, как универсальное основание доступа к элитарным ресурсам, лишает это различие практического смысла и оставляет за ним сугубо теоретический и этический смысл. Если исходить из этих позиций, то находит свое объяснение тот факт, что в современных демократических системах (хотя, теоретически, в основании их функционирования должен лежать принцип конкуренции интересов субъектов политики) лояльность как элитарный миф значит не меньше, а, возможно, даже больше, чем в авторитарных системах прежних времен. В динамичной демократической системе, особенно если, например, она подвергается реформированию, интересы разных элитарных корпораций начинают сильно варьироваться, образование, деловая компетентность, обладание материальными ресурсами приобретают значение инструментов внутриэлитарной конкуренции. Лояльность в этих условиях как миф, как нечто выведенное за пределы текущих интересов и конфликтов, нечто «святое» для всех, кто причисляет себя к элите, оказывается наиболее рациональным и, фактически, единственным основанием для согласованного действия элит, у которых, кроме различных интересов, есть и главенствующий общий интерес — корпоративное присвоение максимально ресурса и сохранение господствующего положения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андреев И.Л.* Дворянство и служба в XVII веке // *Отечественная история*. — 1998. — № 2.
- [2] *Лотман М.Ю.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Изд. 2-е. — СПб.: Искусство — СПб, 1994.
- [3] *Марасинова Е.Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // *Отечественная история*. — 2007. — № 4.
- [4] *Марасинова Е.Н.* К истории политического языка в России XVIII века // *Отечественная история*. — 2005. — № 5.
- [5] *Мизес Л. фон.* Бюрократия. — Челябинск: Социум, 2006.
- [6] *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // *Мир России. Сер.: Социология, этнология*. — 2001. — № 3.
- [7] *Пайнс Р.* Собственность и свобода. — М., 2000.

RATIONAL IN THE POLITICAL MYTH OF «LOYALTY»

N.I. Shestov

The Department of Political Science
Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy
Astrakhanskaya str., 83/12, Saratov, Russia, 410012

In the article the connections between the level of political subjectivity of the participants of Russian political process and the loyalty of their attitude to the acting supreme state power are analyzed. Loyalty is considered to be a political and mythological determinative of the political relationship from the historical and modern point of view.